

Мэн Чжэнь потер голову, чувствуя, что, едва ступив во дворец, он словно оступел. То одно не понимал, то другое, а теперь вот это...

— Убийцы нарочно оставили знаки наших двух домов — явная попытка подставить. Почему же мы сами должны доказывать свою невиновность? — Он и вправду не мог понять. — Это же очевидно, даже я вижу.

Гу Тин спрятал руки в рукава:

— Потому что другие думают слишком много. Чем проще и яснее, тем больше они усложняют. Они уверены, что наши дома враждуют, и подставить друг друга — самое обычное дело. Так что ты оставляешь мой знак, а я — твой. Это не от глупости, а от излишней мудрости: мы, видите ли, придумали идеальный план, чтобы убить двух зайцев одним выстрелом. Мы так умны, что действовали в один день, в одно время и в одном месте, и так умны, что не заметили, как другая группа оказалась нашими заклятыми врагами.

Мэн Чжэнь, подперев щеки руками, задумался:

— ...Как-то глуповато.

Когда они покинули дворец, окружение наконец стало тихим и безопасным. Гу Тин понизил голос:

— Неважно, что именно произошло с покушением, сегодня император явно проверял нас. Драгоценная наложница Ю помогала подогреть обстановку. Она и наследный принц на одной стороне, поддерживают друг друга. Второй принц и наследный принц враждуют. Что бы наследный принц ни сказал, второй принц обязательно будет против. Что бы наследный принц ни задумал, второй принц обязательно помешает. И наоборот. Я и представить не мог, что борьба за престол накалилась до такой степени.

Мэн Цэ прищурился:

— Между драгоценной наложницей Ю и наследным принцем существуют необычные отношения.

Мэн Чжэнь широко раскрыл глаза и прикрыл рот ладонью. Неужели до такой степени?!

Союз двух людей, разделяющих общие интересы, сам по себе неординарен. Мэн Цэ снова подчеркнул свою мысль — не просто повторил слова Гу Тина, а дополнил их. Было нечто более тонкое и глубокое, чего тот не уловил.

Гу Тин удивился:

— У них роман? — Они же из разных поколений!

Но затем он вспомнил, что император Цзяньпин и драгоценная наложница Ю тоже из разных поколений. Драгоценная наложница Ю была служанкой в покоях покойного императора, и ходили слухи, что она прислуживала ему лично и даже была в фаворе... Возраст женщины — вечная загадка, книга, которую не прочесть. Юность и старость различить легко, но сколь долг период расцвета, когда женщина в самом соку, — никто не ведаёт.

Драгоценная наложница Ю в тронном зале была белокожа и гладка телом, статна, глаза её сверкали лукавством и прелестью, а в уголках не видно было ни морщинки. Стара? Ни капли.

Она сумела очаровать двух императоров и снискать их милость, так почему бы не очаровать и третьего?

Чем больше Гу Тин размышлял, тем правдоподобнее казалась эта догадка. И хотя между ними не было явных намёков на роман, атмосфера, сквозившая в их словах... казалась поистине особенной.

Мэн Цэ больше не произнёс ни слова, лишь уверенно кивнул.

Он взглянул на своего простодушного младшего брата. Из-за собственного опыта он был необычайно чуток к подобного рода веяниям. Драгоценная наложница Ю была старая лиса и не подавала виду, однако несколько взглядов, брошенных наследным принцем, говорили сами за себя.

Хо Янь тоже поделился своими наблюдениями:

— Начиная с главных ворот дворца, все охранники — из императорской гвардии. Внешний периметр свободен, внутренний — строг. Я специально обратил внимание, но не увидел личной охраны ни наследного принца, ни второго принца. Видимо, во дворце все находятся под наблюдением императора.

Иными словами, император никому не доверял. Даже назначенному им наследнику.

Мэн Чжэнь моргнул:

— Но второй принц выглядит таким послушным и хорошим. Его тоже нужно остерегаться?

Гу Тин потрепал приятеля по голове:

— Ты же сам сказал — «выглядит».

Сердца людей скрыты за семью печатями. Дворец с виду величав и прекрасен, а внутри — гнил и порочен. Души, возвращённые в его стенах, — самые чёрные и грязные на свете.

Мэн Цэ смотрел на младшего брата, полагая, что никто в целом свете не может сравниться с ним в миловидности:

— Я тоже осмотрелся. Действительно, лишь императорская гвардия, никаких посторонних. В тронном зале, помимо явной охраны, есть и скрытая. Император, кажется, весьма дорожит своей жизнью.

После этого напоминания Мэн Чжэнь вспомнил кое-что ещё, пошевелив носом:

— Точно! Кажется, я уловил в зале странный запах, какой-то лекарственный. Он был очень-очень слаб, перебивался ароматом сандала, но я ни за что не могу вспомнить...

Малыш надул щёки, расстроенный.

Мэн Цэ сказал:

— Ничего. Время ещё есть, вспомнишь.

— Верно! — Гу Тин улыбнулся Мэн Цэ. — Не торопись. Главное, что мы вчетвером, а сообща и горы свернёшь. Вот смотри, за одно посещение дворца мы узнали столько всего! Будем

действовать не спеша...

Он размышлял: раз все считают, что их дома враждуют, не стоит ли сыграть на этом? Хорош или плох второй принц, какие у него планы — неизвестно. Но одно слово его было верно: они в столице новички, людей не знают, и расследование будет трудным. Со всех сторон на них смотрят. Может, стоит самим создать брешь, чтобы другие либо подставили их, либо «помогли»? Когда вода помутнеет, они и сами смогут разглядеть неладное...

Чертог Лунного Сияния.

Ветер шелестел в ветвях, серебряные колокольчики звенели, жемчужные занавески в покоех покачивались, издавая чистый, приятный звук. В углу, в медном резном курильнице, тлел особо приготовленный успокоительный ладан — густой, сладкий и стойкий.

Не было в этом чертоге места, что не радовало бы глаз, не было вещи, что не стоила бы целое состояние. Обитательница его вкушала все земные блага, живя в роскоши и богатстве.

Драгоценная наложница Ю, подперев ладонью голову, небрежно возлежала на кушетке, подобно весенней магнолии в полудрёме, и лениво позволяла служанке массировать свои ноги:

— Суп, что я сама приготовила, доставили?

Служанка, сжимая в руках массажёр, осторожно ответила:

— Так точно, Ваша Светлость.

Драгоценная наложница Ю:

— Император сказал, когда придёт?

Служанка:

— ...Пока ответа не было.

— И с такой мелочью не можешь справиться! На что ты годишься!

Драгоценная наложница Ю внезапно всплила, отшвырнув служанку ногой. Массажёр задел край стола, разбив набор чайной посуды цвета «ясное небо после дождя».

Служанка тут же повалилась на колени, не смея даже плакать или молить о пощаде — как бы ещё сильнее не разгневать госпожу.

Тотчас вошла нянька, выволокла служанку за руку, и вскоре со двора донеслись глухие удары. Другие служанки проворно убрали массажёр и осколки.

Вновь заваренный чай приняли в руки старого евнуха. Руки его были сухи и жилисты, с виду вовсе неказисты, но в этих стенах никто не смел его обидеть.

Служанки поклонились и удалились.

Ли Гуй подал чай драгоценной наложнице Ю:

— Ваша Светлость, к чему так гневаться? Гнев вредит здоровью. Вам следует себя беречь.

Драгоценная наложница Ю из уважения приняла чашку, но, опустив взгляд, увидела в воде своё отражение — такое же, как прежде в зеркале.

— Старею. Даже слёзы уже не милы, глаза потускнели, а в уголках морщины проступают.

Ли Гуй подобострастно возразил:

— Это у других. Ваша Светлость как может стареть? Какой бы Вы ни были, императору всё любо.

Драгоценная наложница Ю взглянула на преувеличенно улыбающееся лицо старого евнуха и фыркнула.

— Что ты понимаешь?

В её возрасте красота уже не столь важна. Она давно перестала кормиться одной лишь молодостью — пока она полезна, от неё не избавятся.

— То, что я просила тебя найти, есть хоть какая-нибудь зацепка?

Ли Гуй сложил руки:

— Потребуется ещё некоторое время.

Время, время! Сколько можно ждать!

Драгоценная наложница Ю слегка прищурилась и медленно улыбнулась:

— Что ты, евнух, говоришь? Ты — доверенное лицо императора, и я лишь благодарна тебе за заботу. Как смею я что-либо требовать? Делай своё дело, я просто спросила, без иного смысла.

— Благодарю Вашу Светлость за снисхождение.

Задав Ли Гую ещё несколько вопросов, она отпустила его и продолжила ждать. Но, выпив чай, отужинав, а затем искупавшись и переодевшись, она не получила никаких вестей. Не выдержав, послала навести справки, и ей ясно доложили: император занят государственными делами и не сможет прийти. Пусть драгоценная наложница отдыхает одна.

Отдыхает, говоришь!

Драгоценная наложница Ю швырнула на пол шкатулку с украшениями, дрожа от ярости.

Гу, этот мерзавец, погубил меня!

Она всегда любила капризничать и требовать то одно, то другое, и император никогда не перечил. Всё было прекрасно, но стоило князю — Стражу Севера привести этого негодяя, как император спросил, хорошо ли князь к нему относится. Тот ответил, что доволен, если днём они едят вместе, а ночью спят в одной постели... На фоне всех её ухищрений и уловок как императору было не разочароваться?